

V. Dex

ВАГОН МИЛОСЕРДИЯ

СБОРНИК КОРОТКИХ РАССКАЗОВ

V. Dex

Вагон милосердия

«Автор»

2026

Dex V.

Вагон милосердия / V. Dex — «Автор», 2026

Помогая другим, мы не становимся святыми, а становимся нормальными. Что общего у бывшего дрессировщика, побеждающего рак, и у боксера, становящегося кормильцем обездоленных? Как связаны угрюмый пироман, насаждающий порядок, и тихая старушка, не способная видеть плохое в людях? Все они — обитатели Вагона милосердия. Перед вами 12 реальных портретов, изображающих людей с изломанными судьбами. Это описания поражений и побед в борьбе за души. Изменив имена, автор бережно хранит главное — подлинные истории духовных битв. И может всем помочь в Вагоне не смогут, но те, кому помогли, будут жить. И для них это очень важно.

© Dex V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия	6
Путь из тьмы	7
Сто тысяч порций	9
От автора: Сыны огня	11
Наш Яша	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

V. Дех

Вагон милосердия

*Благотворящий бедному
даёт займы Господу..*

Библия, кн. Притчей 19:17

Вместо предисловия

Вагоном он был всегда, даже когда ещё не был домом. Скорее даже не вагоном, а составом, просто под одной крышей. В таких жили первопроходцы на севере, называя их балками. Потом, в девяностые, он принадлежал какому-то милиционеру, приспособившему его под дачу. Потом его купила протестантская община. Стоил он, как треть однокомнатной квартиры и был одновременно местом для встреч и складом. Вагоном милосердия он стал как-то незаметно, приютив запутавшихся, опустившихся, отчаявшихся. Здание было выведенным из состава жилфонда, поэтому официально в нём можно было только находиться. Нахождение же не ограничивалось по времени. Называли постояльцы друг друга братьями .

Путь из тьмы

Казалось, что он был в Вагоне милосердия всегда. Историю его появления помнили только волонтеры-старожилы. Был он глухим и поэтому незаметным. Спал в дальней комнате на кровати, стоявшей в углу. Глухота его была следствием долгого лечения от туберкулёза, ещё одним следствием была быстрая утомляемость.

В прошлом был он неплохим сварщиком, и первые годы все монтажные работы поручались ему. Сложности с коммуникацией никакой не было: в объяснениях Глухой не нуждался, как самураю, ему нужен был только путь. Подводили его к прицепу, показывали сломанное крепление – Андрей задумывался ненадолго, громко (говорил он всегда громко):

– Заварить? – спрашивал и, не дожидаясь ответа, шёл за оборудованием.

Понимая, что многое в вагоне в прямом смысле слова держится на его мастерстве, Андрей не обременял себя никакими другими работами. Уборка снега, заготовка дров для бани, дежурство по кухне – всё это его не касалось. Потребности в общении он не испытывал – завоёвывать расположение братьев было ему недосуг.

После оформления пенсии по инвалидности смог он купить планшет, закачать туда множество книг и начать погружение в мир, где звуки были не так важны. Читал он всё подряд, жанровое многообразие указывало, что интересен сам процесс, содержание было вторично.

О своём доме Андрей никогда не рассказывал, говорил, что в вагоне всё его устраивает и что хотел бы остаться в нём навсегда. Одно расстраивало его, что становился он всё слабее и слабее. Руки начали дрожать, зрение притупилось – сварочные работы постепенно остались в прошлом. Начало душой овладевать уныние. Всё погружалось в беспросветную тьму.

Как-то в чате у волонтеров кто-то написал, что услышал от Глухого запах спиртного. Алкоголь в обители был под строжайшим запретом. Свободных денег ни у кого не было: все сбережения хранились в сейфе под присмотром избранного из братьев кассира. Значит, каким-то образом Андрей утаивал часть пенсии и разрушал с её помощью гнёт депрессии.

По вечерам все в вагоне собирались на планёрку: обсуждали прожитый день, распределяли обязанности на день следующий, налагали взыскания, выражали благодарность. Глухому написали, что знают о нарушении им запрета на употребление спиртного. Он долго не признавался, как обычно громко доказывал свою невиновность:

– Откуда у меня деньги? Всё же в кассе!

Пьянство его имело две особенности: он выпивал, а не напивался, и пил он всегда один, привычно не нуждаясь в компании. Был уверен, что доказательств против него нет, долго он не сдавался, отвергая все обвинения. Пришлось братьям напугать его:

– Не признаёшься? Не надо! Не можешь по-человечески? Собирай свои вещи и иди на все четыре стороны!

Такая угроза возымела своё действие: Глухой потух, плюхнулся на кровать и заснул:

– Жить не хочу! Не нужен никому! От собаки во дворе больше пользы.

Повинную голову топор не сечёт. Никто и не собирался выгонять его, но и не остановить беззаконие не могли. Посовещались и решили: установить за провинившимся строгий контроль. Пенсию с книжки – на сберкарту, карту – в сейф под контроль кассира, выход из вагона – только с разрешения ответственного. Было у этой истории важное последствие. Приговор Глухому автоматически распространялся на всех братьев. Когда кто-то новый приходил в обитель, принятые правила становились обязательными и для него.

Андрей держался долго, то ли из-за страха, то ли из чувства благодарности, что простили. Казалось, жизнь вошла в привычное русло и опасность миновала. Но червь уныния незаметно подтачивал Глухого. Тьма опять взяла верх. На этот раз, как позже выяснилось, он всё спла-

нировал заранее. Денег накопил со сдачи при расчётах наличными, купил недорогой коньяк, спрятал во дворе и каждый день по два-три глоточка для поднятия настроения сделал нормой.

Погорел он на несоответствии своего психологического портрета обстоятельствам. Стал Андрюша говорить много, чего раньше за ним не водилось. Рассуждал на темы, не привязанные к быту живущих в вагоне. Ответов не ждал, разглагольствовал и ехидно улыбался, вот, мол, до чего додумался:

– А как вот получается, что мы человеку помогаем, помогаем, а он, как свинья, только о брюхе своём думает? – спросит и глаза в потолок.

Какое-то время списывали это на действие прочитанных книжек, но эффект был явно не просветительский. «А не пригубил ли ты, Андрюша, часом спиртного?» – появилась запись в его тетради. И опять праведный гнев, но братья в прошлом не часто крестиком вышивали, подсекли, уже не упустят. Привели к раскаянию, заставили сдать сосуд с зельем.

На совет собрались без Глухого. Решение должно было быть Соломоново. Хорошо, что судьи сами бывшие зависимые, понимающие, как страшен враг. Решили, что бороться надо не с Андреем, а с пониманием им собственной бесполезности:

– Опять засветился! Ему бы уже светом для других быть, а он всё в рабах тьмы, – метафоричность братьев в такие моменты расцветала.

– Согласен, хватит ему гнить, пусть проводником добра становится! – поддерживал кто-то, – Кончилось время полупроводников!

Избрали братья тактику малых, но системных поручений. Передача показаний счётчиков, приготовление каши с мясом дворовым собакам, контроль за наружным освещением, закрывание ворот на ночь. Эти и подобные им задачи не отнимали много времени, но были регулярными, требовали от Глухого ответственного отношения. А самое главное – Андрей опять почувствовал себя кому-то нужным. Получилось, что в борьбе с зелёным змеем не всегда побеждает змей. Постепенно потребность контролировать его отпала, стал он сам одним из активных участников совета братьев, столпом обители. Теперь, включая свет на улице, он не только упрощал жизнь находящимся во дворе братьям, но и делал Вагон видимым издалека в длинные северные ночи.

Сто тысяч порций

Петра Ионыча нашли в гаражах. Инсульт разделил жизнь на «до» и «после». «До» были успехи в боксе, служба в ВДВ, жена, два сына, хороший заработок. «После» – обездвиженность, одиночество, отчаяние. В палату интенсивной терапии, где оказался Ионыч (только так называли его впоследствии братья), к такому же несчастному ходили волонтеры Вагона милосердия. Пётр внимательно слушал, о чём говорили эти странные люди и, когда выписался, приковылял к ним.

Характер у Ионыча, как, впрочем, и у всех в обители, был тот ещё. Упрямый, вспыльчивый, нетерпимый. Но опыт работы бригадиром развил у него любовь к порядку. А самое беспорядочное место в вагоне – это кухня. Вот и стал Пётр поваром. Кулак у него был тяжёлым, спорить, обычно, никто не решался.

Был он родом из Украины, готовить умел и любил. Возвращаться к семье не захотел, хотя и общался с ними по телефону. Как-то, разоткровенничавшись, поделился, что не хочет быть для них обузой. Да и с документами была сложность: старые потерял, новые, как гражданину другой страны, надо было ехать восстанавливать в большой город. А как ехать, если документов не было и передвигался Ионыч с трудом.

Кухня-столовая была три на два с половиной метра. В вагоне вообще всё было шириной три метра – особенность конструкции. В такой столовой одновременно есть могли шесть человек, а бывали периоды, когда в вагоне находилось два десятка братьев, поэтому есть приходилось в три смены. Три завтрака, три обеда, три ужина – шикарно!

– Братья, обедать! – разносился по обители строгий голос.

И стекались ото всюду постояльцы, оставляя незаконченными важные дела. За столом никто не шутил, не разговаривал. Ели сначала молодые, здоровые, чтобы быстрее освободить место следующей партии. Недовольства, споров, ссор не было – за нарушение порядка легко можно было пропустить следующий приём пищи.

Первое время с продуктами было сложно – всё было в ограниченном количестве, тут Пётр был авторитарен. Хлеб выдавался по два кусочка, кухня закрывалась на замок, провинившиеся наказывались постом до обеда. Но и изобретательностью он обладал феноменальной, старался максимально разнообразить меню, любил побаловать братьев чем-то необычным.

Время готовки, сервировки, уборки лежало полностью на Ионыче – справлялся он идеально. Позже, когда здоровье стало подводить, братья назначали на кухню дежурных, чистивших овощи, мывших посуду и пол.

Первое блюдо каждый день недели было своё. Рассольник с перловкой, куриный с лапшой, рыбный в четверг и, конечно же, борщ в воскресенье. Рецепт знали все, но повторить никто бы не отважился. Бульон варился на свиной кости, затем в полученном бульоне варилась мякоть говядины, обязательным ингредиентом была фасоль разных сортов. У Ионыча пенсии не было, но всегда находились желающие профинансировать приобретение продуктов к борщу, кубанского сала, «горьких трав». И когда построили новую столовую, просторную, светлую, она не способна была вместить всех воскресных желающих отведать фирменный борщ. Удивительно, что еды хватало всегда и всем, несмотря на большие тарелки и обязательную добавку.

Если кто-то ловил или покупал рыбу, несли её Ионычу. Жарил он по-ресторанному. Корюшки в сезон готовил целый таз, и братья садились и, как семечки, щёлкали её с головой и потрохами. Даже старого барана, найденного каким-то предпринимателем в глубине морозильника, Ионыч, после дня готовки в казане, превратил в лакомство.

Ситуация с продуктами однажды наладилась кардинально и надолго. Казалось, что вопрос со столованием закрыт надёжно. Но... Всегда появляется, как нам кажется не вовремя,

это «но». Но однажды, привезя продукты, волонтеры не увидели повара. Он никогда ящики не носил, но всегда присутствовал при их выгрузке. Зашли к нему в комнату, он лежал под одеялом, без верхней одежды. Это было странно, Ионыч сиесту проводил, не раздеваясь, а тут разделся. Тронули за плечо, а он уже холодный. Приготовил обед, позвал братьев, а сам пошёл и прилёг. Прилёг и не встал, ушёл во сне. Как-то правильно всё сделал...

Вагон будто осиротел. Не хочется много говорить о сложностях на кухне, с которыми столкнулись потом братья – со временем всё разрешилось. Но той золотой поры уже было не вернуть. Остались только в памяти воскресный борщ, биточки из куриной грудки, тазы с корюшкой и идеальный порядок в столовой.

На похоронах прозвучала мысль: Ионыч, лёжа в гаражах, разбитый инсультом, думал, что никому не нужен, а, придя в вагон, без выходных, праздников и отпусков стал на долгие годы кормильцем для десятков людей. Сколько же за это время приготовлено было им порций? Кто-то посчитал, получилось больше ста тысяч.

Когда тело уложили в гроб, обнаружили, что размеры не совпадают: был Пётр мужчиной крупным, а ящик каким-то скромным. Решили сначала непослушную крышку прибить с одной стороны, а потом, навалившись, придавить к другой и прибить. Ионыч бы сказал:

– Непорядок, братья!

От автора: Сыны огня

Братьями они не были. Попали в Вагон милосердия в разное время. Были внешне не похожи: один – маленький, кругленький, другой – огромный, длиннорукий. Звали их Яков и Иван. Объединяло их одинаковое отчество, Зиновьевичи, и один общий факт из биографии: в жизни каждого из них пожар занимал видное место. Возможно, было это следствием значения имени их отца (в честь Зевса, повелителя молний, частой причины пожаров).

Наш Яша

Волонтёры Вагона милосердия посещали в одном из северных посёлков верующую старушку. Рядом с её балком находился вагончик, который облюбовала пьющая компания. Было это «помещение» отрезано от всяких коммуникаций, не было там даже электричества. Единственным источником тепла и света была печь-буржуйка. Она-то и стала причиной пожара. Выжили все, но один из них, Яков, надышавшись паров горевшего полимера, потерял способность ходить. Забрали его из вагончика отверженных в вагон возрождённых.

Причина «неходячести» Яши была какая-то неврологическая, потому часто он потом лежал именно в этом отделении. Ещё после пожара он словно впал в детство, строить с ним отношение приходилось, учитывая эту особенность.

Сначала попытались Яшу отправить в другой город в реабилитационный центр. Через неделю оттуда позвонили и попросили забрать обратно. Не желая ковылять до туалета, наш реабилитант добирался до ближайшего напольного вазона и справлял нужду туда. То ли из вредности, то ли ещё из каких-то соображений он пометил все вазоны на этаже и был признан безнадёжным.

Передвигаться он должен был при помощи ходунков, но, если ему удавалось выйти из зоны контроля, использовал Яша более удобный для него способ. Он садился, опирался ладонями в пол и передвигался вперёд спиной. Со стороны был он похож на огромного паука. Понимая, что если его застанут в движении, то обяжут встать на ходунки, а этого он не хотел, поэтому передвигался с огромной скоростью. Кто-то из братьев рассказывал, что, идя ночью в туалет, в полной темноте, сначала услышал, что по полу что-то с шумом движется, а потом увидел тело, напоминающее гигантское насекомое.

– Шёл по-маленькому, заодно сходил по-большому, – вспоминал незадачливый полуночник.

Борьбу за трансформацию Яшиного состояния объявили на первой же планёрке после его возвращения. Действовать решили сразу в трёх направлениях.

Понимая, что чтение ум в порядок приводит, стали приобщать Яшу к слову написанному. После нескольких неудачных попыток приобщить его к самостоятельному чтению постановили делать это в паре с кем-то из волонтёров. Во время общественно-полезного труда садился Яков посреди зала для собраний, перед ним ставили пюпитр, на котором лежала огромная Библия. Чтение происходило вслух, иногда включали микрофон, и голос Яши разносился по всему вагону. Сопровождающий был нужен, чтобы чтец не халтурил, перевирая слова и пропуская отрывки. Бесподобна была реакция его на отрицательных персонажей. Читая об агрессивных бесах, он искренне восклицал:

– У-у, демоны! Атаковали!

Братья, услышав восклицания, прибежали из разных мест и со смехом выслушивали переказы прочитанных историй.

Ещё одним направлением была физкультура. Ответственный за вагон подводил Яшу к столбу посреди зала, и тот, держась одной рукой за столб, приседал. В скором времени количество приседаний было доведено до полусотни. Было ему тяжело поднимать ноги – несли колотые для бани поленья, выкладывали их лесенкой и Яша ходил, переступая через импровизированные кочки.

Но основным было дежурство по ночам. Вызвано это было тем, что Яков, вернувшись из ребцентра, мочиться стал ночью в постель, не утруждая себя вставанием. Братья разделили между собой дни недели. Группе в два-три человека досталось по одному дню. Три раза за ночь: в двенадцать, три и шесть часов дежурный будил Яшу и сопровождал его в туалет. Попытки

избежать путешествия: «Я не хочу!», «Хочу спать!», «Я недавно ходил!» – ни к чему не приводили: братья были неумолимы. Через две недели пришло «исцеление», что-то видимо переключилось в голове, и больше проблем с ночным недержанием не было. Дежурство благополучно отменили.

Если в начале своего пребывания Яша был большой проблемой для обитателей вагона, то к концу первого года стал всеобщим любимцем. Был он добр, безобиден, всем доволен. Любил сладкое. Садился возле входа и всех входящих спрашивал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.